
К 200-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

А.А. Новикова-Строганова РУССКИЙ КРЕСТ ИВАНА ТУРГЕНЕВА

Аннотация. Статья посвящена судьбе и христианским основаниям творчества И.С. Тургенева. Раскрываются глубинные связи тургеневского наследия с православными традициями, проясняется своеобразие религиозно-нравственных воззрений писателя, исследуются художественные особенности его уникального творческого мира в свете христианского идеала.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; религиозно-нравственная позиция; творческое наследие; христианские идеалы; мотивы и образы.

Novikova-Stroganova A.A. The Russian cross of Ivan Turgenev

Summary. The article is devoted to the fate and the Christian foundations of creativity of I.S. Turgenev. Deep connections of the Turgenev's heritage with Orthodox traditions are revealed, the originality of the writer's religious and moral views is clarified, the artistic features of his unique creative world are explored in the light of the Christian ideal.

Keywords: I.S. Turgenev; creativity; Christian ideals; images and motives.

*Необходимо всем писателям сплотиться вместе
и встать на защиту святой веры от врагов ея.
И.С. Тургенев*

О Тургеневе было не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляли как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца». Но, к сожалению, это

не только атеистические либо иноверческие трактовки на протяжении долгих десятилетий. Еще Н.С. Лесков писал о том, как «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» – «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Продажные либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно все, как все можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начетники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз в год ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: «*Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь*» (1 Кор. 4: 5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого 100 лет) не смогла не признать, что Тургенев в своем творчестве делал «определенные шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в обыденном сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни – по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни ни высоких образцов святости, аскетизма, праведничества, ни выдающегося таланта. Добротолубие учит: «*Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Бога*». По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество

писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: *«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»* (Мф. 7: 1–2).

Всем ли удастся в свое время сподобиться *«христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом»*, о чем молится Церковь? Что будет с каждым из нас? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только *«на Страшном суде узнаем»*, – как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: *«Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь»* (Ин. 14: 6), – единственно истинный подход к любому явлению жизни. *«Кто учит иному, – говорит апостол Павел, – и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины»* (1 Тим. 6: 3–5).

Господь каждому дает свои таланты и свой крест – по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, поэт Николай Мельников в поэме «Русский крест»:

*Крест взвали себе на плечи,
Он тяжел, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
– В чем же крест мой? Кто же знает?
На душе – один лишь страх!
– Всё Господь определяет,
Всякий знак – в Его руках.*

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить свое Отечество доброю славой во всем мире.

Писатель жизнь свою положил в том числе и на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней

Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Его личность и творчество светят на весь мир.

В год кончины Тургенева его друг, поэт Я.П. Полонский говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы, – скажет он Эдмону де Гонкуру, – нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако еще лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...» Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил – в столицах или за границей, – неизменно душой он стремился в свое родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж.А. Полонской от 10 августа 1882 г. – за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести все будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня – лечь в гроб, а я еще желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своем художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок (в том числе режиссерско-постановочных) и домыслов зачастую

не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углубленное осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций – задача важная и благотворная. Об этом моя книга «Христианский мир И.С. Тургенева».

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание – основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них – «истинно преподобная» праведница и страдальца Лукерья («Живые мощи»). Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. *«Посему мы не унываем, – учит апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4: 16). «Тело Лукерьи почернело, а душа – просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», – справедливо отмечал выдающийся богослов XX в. архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест – значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) – по слову Христа: *«Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»* (Мф. 10, 38).

Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего – писателю, создавшему ее образ. Так же как и «тишайшей» православной христианке Лизе Калитиной – кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной – главной героине романа «Дворянское гнездо».

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев – Лизы и Лаврецкого, – но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б.К. Зайцев объединил тургеневских героинь – молитвенницу Лизу и страдальцу Лукерью – с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же

заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька – раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе «Два богача» показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатым в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15: 13). Какой огромный смысл в крохотном по объему тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

– Возьмём мы Катьку, – говорила баба, – последние наши гроши на нее пойдут, – не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

– А мы ее... и не соленую, – ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Самое главное в русской классической литературе в целом и в частности в тургеневском творчестве – ценнейшей составляющей отечественной классики – это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

По отзыву М.Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке быющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора».

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворенным лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от *«Бога живого»* (2 Кор. 6: 16), *«В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»* (Кол. 2: 3), *«Ибо все из Него, Им и к Нему»* (Рим. 11: 36).